

Вместо вступления: О Колоте из Лампсака¹

Колот (Κωλώτης) из Лампсака (род. ок. 320 до н.э.), ученик и последователь Эпикура, учитель Менедема-киника. Принадлежал, наряду с Идоменеем, Леонтеем и Фемистой, к школе эпикурейцев в Лампсаке (основана Эпикуром в период с 310/309 по 307/306 до н.э.), в 270-260-е был главой школы. Сохранились фрагменты писем Эпикура к К., которого он ласково называл Колотарионом или Колотаром, относящиеся к 307/306.

Сочинения К. утрачены, о содержании его воззрений известно в основном, благодаря критическим сочинениям Плутарха Херонейского «Против Колота» и «О том, что, следуя Эпикуру, невозможно жить счастливо» (Plutarchi Moralia, VI, ed. M. Polenz, R. Westman. Lpz., 1959). К. был автором полемических сочинений «Против “Лисия” Платона», «Против “Евтидема” Платона» (небольшие фрагменты сохранились в папирусах геркуланской библиотеки), «Против мифа у Платона», в котором он подвергал критике «Государство».

Одним из наиболее известных его произведений было «О том, что невозможно жить, если следовать учению других философов» (Περὶ τοῦ ὅτι κατὰ τὰ τῶν ἄλλων φιλοσόφων δόγματα οὐδὲ ζῆν ἔστιν). Сочинение К., написанное в Афинах не ранее 268 и не позднее 262, адресовано слушателям Новой Академии и направлено против философского скептицизма ее главы Аркесилая. Датировка устанавливается в связи с посвящением египетскому правителю Птолемею II Филадельфу, который был союзником Афин в Хремонидовой войне, закончившейся сдачей города Антигону Гонату в 262 до н. э. В своем сочинении К. рассматривает вопрос о критерии истины и подвергает критике сомнения философов по поводу достоверности ощущений, исходя из последовательно проводимого школьного эмпиризма. Уделив большое внимание Демокриту, который занимал особое место в эпикурейской критике скептицизма, К. обратился последовательно к учениям Эмпедокла, Парменида, Сократа, Мелисса, Платона, Стильпона, а также двух современных ему философских школ, которых Плутарх идентифицировал как киренаиков и академиков.

Общее возражение К. этим философам: их учения делают невозможным какое-либо общение человека с внешним миром, а следовательно, и само существование человека. Согласно К., тот, кто отрицает истинность чувственного восприятия, не может с уверенностью сказать о самом себе, жив он или мертв. Главным объектом критики К. выступал принцип «воздержания от суждения» (ἐλοχή) Аркесилая, который К. опровергал, исходя из принципа «бездеятельности» (ἀπραξία): практика «эпохе» несовместима с жизнью, т. к. мешает действию, ибо невозможно жить, не делая различия между воспринимаемыми объектами.

¹ Шахнович М.М. Колот из Лампсака // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 426-427.

Из этого стремления вытекала и критика К. воззрений каждого философа в отдельности. Возражение К. против Демокрита:

- 1) неверно его утверждение, что каждый предмет - не более чем описание другого (Adv. Col. 4, ср. изречение Демокрита о том, что существует не более «что» (δέν), чем «ничто» (μηδέν), хотя под первым словом Демокрит понимал тело, т. е. атомы, а под вторым - пустоту);
- 2) неверно, что цвет и другие качества предметов условны и нам только представляются (Adv. Col. 8) – это противоречит ощущениям, а поэтому лишает человека возможности жить.

Этой же возможности лишает человека, с точки зрения К., и Парменид, называя все вещи Единым (Adv. Col. 13). Эмпедокла К. критикует за противоречивость учения: утверждая, что люди бессмертны (что следовало из признания переселения душ), он тем не менее признавал, что люди могут страдать от ран и болезней (Adv. Col. 12).

Далее К. мимоходом, критически высказался по поводу платоновского учения об идеях: *«Платон заявляет, что лошади напрасно называются нами «лошадьми», а люди – «людьми», так как все они «существуют лишь по мнению»* (Adv. Col. 15). По ироничному заявлению К., если Платон говорит о том, что нельзя называть человека человеком, то Стильпон идет дальше, отрицая возможность всяких определений. *«Нельзя высказывать о предмете ничего от него отличного. Но как можно жить, если нельзя сказать «человек добр» или «человек – полководец», но только «человек – человек», «добрый – добрый», «полководец – полководец»* (Adv. Col. 22).

От К. больше всех досталось Сократу, которого он назвал обманщиком (ἀλαζών), чьи слова расходятся с делами (Adv. Col. 2). Издевательски вопрошая, как получается, что тот *«кладет пищу себе в рот, а не в ухо?»* и *«если он не заботится о своем плаще, то почему набрасывает его на себя, а не оборачивает им колонну?»* (Ibid.), К. выступал в полном соответствии с традицией эпикурейского «прямодушия», т. е. откровенных речей (см.: Philod. Peri parresias col. 8, a9–b5). Нападая на Сократа, К. метил в Аркесилая, который в своем учении об «эпохе» опирался на сократовскую диалектику. В конце концов К. подверг осмеянию само понятие «эпохе», ставя вопрос: по какой причине тот, кто воздерживается от суждения, *«не бросается в скалу, вместо того чтобы прыгать в купальню, или почему он не направляется к стене вместо дверей, когда собирается идти на агору»* (Adv. Col. 27).

М.М. Шахнович

Плутарх - «Против Колота»

1. Мой дорогой Сатурнин, тот самый Колот, которого Эпикур нежно называл своим «Колотаром» и «Колотарионом», выпустил книгу, озаглавленную «О том, что невозможно жить, если следовать учению других философов» которую посвятил царю Птолемею; думаю тебе понравится письменный ответ, который мне пришлось в голову дать Колоту, поскольку ты любишь всё прекрасное и древнее и считаешь поистине царским занятием вспоминать и иметь под рукой (*насколько позволяют обстоятельства*) учения древних.

2. Эта книга была прочитана нами недавно, и одному из наших друзей, Аристодему из Эгеи (*вы знаете этого человека: он не просто тирсоносец академической доктрины, а наиболее пылкий приверженец Платона*), сохраняя необычайное терпение, каким-то образом удалось внимательно дочитать сочинение до конца, сохраняя спокойствие до самого конца книги. Когда чтение закончилось, он сказал: *«Хорошо; кого мы назначим нашим защитником, чтобы защищать философов от этого человека? Ибо я не восхищаюсь планом Нестора оставить дело на волю судьбы, когда нужно было сделать следующее - выбрать лучшее из девяти».*

(1) «Но заметьте, - сказал я, - что он также назначил себя бросить жребий, так что отбор должен проводиться под руководством самого разумного из компании, а:

*«Из шлема выскочила участь Аякса,
Этого все желали».*

Но раз вы настаиваете, что выбор должен быть сделан, то:

«Как я мог тогда забыть богоподобного Одиссея?».

Тогда посмотрите на это и подумайте, какую защиту вы сможете выдвинуть против этого человека».

(2) Аристодем на это ответил: «Но вы знаете, что Платон, разгневанный на своего слугу, не бил его лично, а сказал Спевсиппу сделать это, поскольку сам был для этого очень зол; тогда и ты тоже возьми этого человека в руки и наказывай его на своё усмотрение, раз уж я зол».

(3) Когда остальные друзья поддержали его просьбу, я ответил: «Тогда я понимаю, что должен говорить; но боюсь, что я тоже буду воспринимать книгу более серьезно, чем положено; испытывая негодование от наглой грубости этого нецензурного шутника, который имеет способ преподнести Сократу «траву» и спросить, как так получилось, что он кладет еду в рот, а не в ухо. Но это может даже рассмешить вас, когда вы вспомните о невозмутимом остроумии Сократа.

Тем не менее, при защите всего греческого войска

и других философов, среди которых Демокрит, Платон, Стилпон, Эмпедокл, Парменид и Мелисс были выделены для злоупотреблений - не только

Молчание постыдно

но уступить даже в малейшем, и воздержаться от самых откровенных выражений, было бы явным нечестием в столь важном деле по оправданию людей, принесших философии столь высокую репутацию.

(4) Подумайте: жизнь дарована нам нашими родителями при помощи небес; но именно хорошей жизнью, на наш взгляд, мы обязаны философам, что дали нам рассуждения, помогающие справедливости и закону обуздать наши похоти. Жить хорошей жизнью - значит жить жизнью активного гражданина, принимающего участие в общественных делах, жизнью полной верности друзьям, умеренности и честности. Но ничего из этого нам не оставили те, кто продолжает кричать, что добро находится в чреве; рассказывать, что они не дадут даже дырявого медянника за все добродетели мира вместе взятые (кроме одного только удовольствия), полагая, что удовольствие полностью изгнано из добродетели; и кичащиеся, что мнение о богах и душе, которое им нужно, - это мнение о растворении и полной гибели души, и отсутствии заботы о наших делах со стороны Богов. Таким образом, эти люди обвиняют других философов в том, что они «делают жизнь невозможной» своей мудростью, в то время как другие философы обвиняют их самих в том, что они учат нас жить неблагоприятно и подобно животным.

3. Озвученные нами взгляды пронизывают все аргументы Эпикура и встречаются повсюду в его философии; но совсем иначе дело обстоит с критикуемыми взглядами. Колот отделяет некоторые высказывания, лишая их реального значения, и вырывает из контекста искаженные фрагменты аргументов, убирая всё, что подтверждало их и способствовало пониманию и вере, собирая свою книгу по кусочкам. Его книга выглядит, как уроды, выставленные на обозрение на рынке, о чём вы в вашей компании, конечно, в курсе, поскольку хорошо разбираетесь в писаниях древних. Насколько же я понимаю, он открывает двери к собственному разрушению, прямо как лидиец, и не просто эту дверь; нет, большинство его обвинений, и даже самые серьезные из них - сносят самого Эпикура.

Колот начинает свою критику сразу с Демокрита, таким образом он получает приличную и соответствующую плату за свои уроки. И это притом, что сам Эпикур долгое время провозглашал себя «демокритовцем»; о чем свидетельствует, среди прочего, даже Леонтей, один из самых преданных учеников Эпикура. Так Леонтей писал Ликофрону, что Эпикур удостоил Демокрита чести потому, что тот достиг правильного подхода к знанию ещё до него самого, и что на самом деле вся его система была названа «демокритовской», потому что именно Демокрит впервые натолкнулся на первоосновы натурфилософии. Метродор прямо заявляет в своей работе «О философии», что Эпикур не достиг бы своей мудрости если бы не было Демокрита. Однако, если принципы Демокрита делают жизнь невозможной, как это предполагает Колот, то Эпикур представляет собой нелепую фигуру, поскольку по стопам Демокрита он следует к тому, чтобы больше не жить.

4. Колот сначала обвиняет его в утверждении, что ни один объект *«не является более похожим на одно, чем на другое»*, и тем самым он вводит нашу жизнь в замешательство. Но Демокрит настолько далек от того, чтобы рассматривать объект как *«не более одно, чем другое»*, что он атаковал софиста Протагора за это самое утверждение и выдвинул против него множество убедительных аргументов. Колот, которого нельзя заподозрить в малейшем знакомстве с древними, ошибочно понял выражение, в котором Демокрит утверждает, что *«что-либо»* не более реально, чем *«ничто»*. Использование термина *«что-либо»* о теле, и *«ничего»* о пустом пространстве, означало что пустое пространство, существует реально, как самостоятельная сущность.

Но что бы мы сами ни думали об этом, любой, тот кто считает что *«не более одно, чем другое»* - сам следует эпикурейской доктрине согласно которой все впечатления, поступающие к нам через органы чувств, истинны. Ибо если один из двух людей говорит, что вино сухое, а другой - что оно сладкое, и они не ошибаются в своих ощущениях, то как вино может быть более сухим, чем сладким? Опять же, вы можете заметить, что в одном и том же бассейне одни относятся к воде как к слишком горячей, другие как к слишком холодной, первые требуют добавления холодной воды, другие - горячей. Есть история, что одна спартанка пришла навестить Беронику, жену Дейотара. Едва они подошли друг к другу, как каждая отвернулась, одна (как нам говорят) почувствовала отвращение от духов, другая - от масла. Если одно чувственное восприятие не более истинно, чем другое, тогда мы должны предположить, что вода не более холодная, чем горячая, и что духи или масло пахнут не более сладко, чем дурно; ибо тот, кто утверждает, что *«сам по себе»* объект является тем, что одному человеку кажется одной вещью, а другому - другой, тот сам невольно сказал, что это обе вещи сразу.

5. Что касается старой истории о *«правильном размере»* и *«идеальном соответствии»* проходов в органах чувств, о множественной *«смеси семян»*, которые, как они говорят, обнаруживаются рассредоточенными во всех ароматах, запахах и цветах, вызывая у разных людей разное восприятие качеств. Разве эти теории на самом деле не заставляют представлять объекты *«не более теми, чем этими»*? Когда люди видят, что у одного объекта с разных углов зрения и в разное время присутствуют разные качества - и поэтому считают ощущение обманчивым; то наши мыслители предлагают им взамен обнадеживающее объяснение, что, поскольку *«всё смешано со всем»*, и поскольку разные вещества естественным образом адаптируются к разным пустотам (проходам) - то в результате все люди воспринимают одно и то же качество, но воспринимаемый объект не влияет на всех одинаково. Вместо этого происходит то, что разные группы людей сталкиваются только с теми компонентами, к которым их органы чувств идеально приспособлены, и поэтому они ошибаются, когда начинают спорить о том, хорош объект или плох, белый он или не белый, воображая, что они подтверждают это их собственным восприятием, опровергая друг друга. Истина в том, что никакое чувственное восприятие не должно подвергаться сомнению, поскольку все они связаны и контактируют с чем-то реальным, и каждый из них черпает из *«множественной смеси»*, словно из фонтана, только лишь то, что подходит ему самому. И мы не должны делать никаких утверждений относительно Целого,

когда мы контактируем только с частями, или воображать, что все люди должны быть затронуты одинаково, когда на разных людей влияют разные качества и свойства объекта.

Пришло время рассмотреть вопрос: кто в большей степени ответственен за навязывание объектам доктрины о том, что «ничто не является более одним, чем другим», чем утверждающие, что каждый воспринимаемый объект представляет собой смесь всех воспринимаемых качеств?

Смешанный, как сусло, запутавшееся в фильтре.

И кто признает, что их стандарты потускнели бы, а критерий истины полностью исчез бы, если бы они позволили любому объекту чувств быть только одной вещью и не оставил каждому из них множественность?

6. Взгляните на дискуссию из «Пира» Эпикура, где он представляет Полиэна, как ведущего с ним беседу о согревающем эффекте вина. Когда Полиэн спрашивает: «Ты говоришь, Эпикур, что от вина нет согревания?», он отвечает: «К чему обобщать, что вино греет»? Чуть позже он говорит: «Похоже, что это не общий факт, что вино согревает, однако можно сказать, что столько-то вина способно согревать известное тело». Опять же, назначив одной причиной столкновение и рассеяние атомов, а другой причиной - смешение и соединение этих атомов с другими, когда вино смешивается с телом, он добавляет в заключение:

«Поэтому не следует обобщать, что вино согревает, а стоит только говорить, что данное количество согревает данное тело в таком-то состоянии, или что такое-то количество вина наоборот охлаждает другого. Ибо в такой совокупности как вино, также есть определенные частицы (атомы) такого типа, что из них может образовываться холод, или такие, что в сочетании с другими они производят настоящую прохладу. Следовательно, обманутые этим одни делают вывод, что вино охлаждает, другие - что согревает».

Если после этого человек, который утверждает, что большинство обманывается, считая, что согревающее - греет; а охлаждающее - морозит, то он неизбежно должен отказаться от признания «все есть не более то, чем это», которое на самом деле выводится из его же посылок, и таким образом он обманет самого себя.

Он [Эпикур] продолжает добавлять: «Часто вино входит в тело, даже не внося в него согревательной или охлаждающей силы. Скорее, само тело приводится в движение так, что частицы меняют свое положение: атомы, образующие тепло концентрируются в одном месте, пока не станут достаточно многочисленными, чтобы передать тепло телу, но в другой раз они изгоняются, вызывая озноб».

7. Нетрудно заметить, что это рассуждение может быть применено к любому объекту, который называется (или считается) горьким, сладким, снотворным или светящимся: что ни один из них не обладает самодостаточным качеством или

силой и не более активен, чем пассивен при входе в тело, но приобретает разные свойства, когда сливается с разными телами. Соответственно, сам Эпикур во второй книге своего «Ответа Теофрасту», когда он говорит, что цвета не присущи телам, а являются результатом определенного расположения и положения относительно глаза, своим аргументом утверждает, что тело не более бесцветное, чем окрашенное.

Ранее в своей работе он писал дословно следующее: *«Но даже если отвлечься от обсуждения этой главы, я не знаю, как можно утверждать, что эти предметы, находясь в темноте, имеют цвета»*. Это в самом деле часто бывает, что когда объекты окутаны воздухом той же степени темноты, и одни люди различают цвета, а другие, с более слабым зрением - нет. Но опять же, впервые войдя в темную комнату, мы не видим цвета, но сделаем это после короткого ожидания. Поэтому ни одно тело нельзя будет назвать скорее цветным, чем нет. Если же цвет относительный, то даже белый и синий будут относительными; а если уж они, то также сладкое и горькое, да и вообще о каждом качестве можно будет сказать: «Это не больше это, чем это»; потому что для тех, кто затронут определенным образом, это будет одним, но для тех, кто был затронут не так сильно – другим.

Соответственно та трясина и то замешательство, в которые, по словам Колота, попадают люди, говорящие «не более то...», являются трясинной и замешательством, которые он обрушивает на самого себя и своего хозяина.

8. Неужели только здесь наш друг оказывается:

Целитель других, что сам полон язв?

Ни в коем случае! Во втором своем обвинении он еще более упорно не замечает, что вместе с Демокритом он изгоняет и самого Эпикура из общества живых. Он говорит, что слова Демокрита *«цвет по установлению, вкус по установлению, целостность по установлению, и поэтому всё, что остается реального, - это пустота и атомы»* - это атака на чувственное восприятие; и что всякий, кто придерживается этого рассуждения и применяет его на практике, не сможет даже представить себя человеком или жить.

Я не могу отрицать эту истину, но могу утверждать, что эта точка зрения неотделима от Эпикура, поскольку форма и вес, по их собственному утверждению, неотделимы от атома. Что говорит Демокрит? Бесконечное число сущностей, неделимых и неразрушимых, лишенных к тому же качества и неспособных к модификации, движутся разбросанными в пустоте; и когда они приближаются друг к другу, сталкиваются или запутываются, получившаяся «совокупность» оказывается в одном случае водой, в других - огнем, растением или человеком. Но на самом деле всё является неделимыми «формами», как он их называет, и ничем больше. Ибо ничто не возникает из ничего, поскольку атомы слишком твердые, чтобы на них можно было повлиять и изменить. Из этого следует, что качества цвета не существует, поскольку он должен исходить от бесцветных вещей, и нет

естественной сущности или разума, поскольку они должны исходить от вещей, не обладающих качествами или способностью к ощущению.

Поэтому Демокрита следует порицать не за признание последствий, вытекающих из его принципов, а за установление начал, которые приводят к этим последствиям. Ибо он не должен был постулировать неизменные первые элементы; а постулировав их, ему следовало бы посмотреть дальше и увидеть, что создание любого качества становится невозможным. Но уже увидеть абсурд и отрицать его - чистейшая наглость. Соответственно, Эпикур действует с чистейшей наглостью, когда заявляет, что закладывает в основание те же принципы, но, тем не менее, не говорит, что «цвет является условным», как и, следовательно, качества сладкого, горького и прочего. Если «не говорит» означает «не признает», а это так, то он следует своей привычной практике; таким же образом он устраняет провидение, но говорит, что оставил нас с благочестием; он выбирает друзей ради удовольствия, которое получает, но говорит, что принимает на себя самые большие усилия ради них; и он говорит, что, постулирует бесконечную Вселенную, но не исключает «верх» и «низ».

Не только за вином и в беззаботном веселье правильно будет, взяв чашу, испить ровно столько, сколько вам угодно, отдавая излишек обратно; но прежде всего в своих рассуждениях следует помнить это мудрое высказывание: *«Где начало для нас не принудительно, таков же и вывод»*. Не было необходимости предполагать, или, скорее, отрывать у Демокрита предпосылку, что первоначалами всех вещей являются атомы. Но как только вы изложили доктрину и убедительно продемонстрировали ее первоначальную правдоподобность, вы должны впитать вместе с этим и неприятные выводы, или же показать, как тела без качества породили качества всех видов простым фактом соединения. Возьмем, к примеру, качество, называемое горячим. Как вы его объясняете? Откуда оно берется и как оно было наложено на атомы, которые не принесли с собой тепла и не стали горячими от соединения? Ибо первое подразумевает обладание качеством тепла, второе - естественную способность подвергаться влиянию, ни одно из которых, скажете вы, не может по праву принадлежать атомам из-за их непроницаемости.

9. *«Что из этого? Разве Платон, Аристотель и Ксенократ не обнаружили, что производят золото из «чего-то», но не из золота, камень из «чего-то», но не из камня, и так со всем остальным, производя его из четырех простых и основных компонентов?»*. Совершенно верно; но, с их точки зрения, первоначала, собравшись вместе, чтобы произвести нечто, изначально были обеспечены своими собственными качествами. И когда они встречаются и соединяются, влажное с сухим, холодное с горячим и твердое с мягким, то поскольку они являются телами, которые взаимодействуют друг с другом качествами друг друга и изменяются повсюду, они вместе создают множество объектов, соответствующих множеству смесей. В то время как атом, взятый сам по себе, никакой и лишен какой-либо генерирующей силы, так что когда он сталкивается с другим, он настолько силен и устойчив, что производит лишь удар, но он не страдает и не вызывает никакого дальнейшего эффекта. Скорее, атомы всё время получают и

наносят удары, и они настолько далеки от способности создать животное, разум или природное существо, что не могут даже произвести из себя коллективную множественность или единство кучи в их постоянном сотрясении и рассеивании.

10. Однако Колот, обращаясь к неграмотному царю [Птолемей Филадельф], в свою очередь обращает внимание на Эмпедокла, как на философа, вдохновленного той же доктриной, приводящей к заблуждениям:

Это я тоже скажу тебе:

*Природы смертной нет никакой,
Ни какой-нибудь жалкой фатальности смерти.
Смесь только есть да растворенье
смешанных вещей, которую люди называют природой.*

Я, например, не понимаю, в каком отношении эти слова приводят к трудностям в жизни тех, кто полагает, что не существует ни порождения несуществующего, ни разрушения существующего, но что «рождение» - это слово, данное соединению определенных сущностей друг с другом, а «смерть» - слово, данное их разделению. На то, что он использовал «природу» в смысле «рождение», Эмпедокл указал, противопоставив ей смерть. Но если те, кто говорят, что это «рождение» представляет собой смесь семян, а смерть их растворение – не живут и не могут жить, что еще делают эпикурейцы? Тем не менее, когда Эмпедокл цементирует и соединяет элементы вместе посредством действия тепла, мягкости и влаги, он хотя бы открывает им путь к «смеси», которая сливается в естественное единство; в то время как те, кто собирает вместе неподатливые и неотзывчивые атомы, ничего не производят из них, кроме непрерывной серии столкновений между самими атомами. Ибо запутанность, препятствующая смешению, скорее вызывает усиление столкновений, так что «рождение», по их мнению, не является ни смесью, ни сплоченностью, а беспорядком и конфликтом. С другой стороны, если атомы после момента столкновения на некоторое время отскакивают от удара и на какое-то время приближаются, когда удар нанесен, время, в течение которого они отделены друг от друга, без контакта или близости, будет более чем вдвое длиннее. Так что из этих атомов ничего, даже неодушевленное тело, не может быть создано; что же сказать тогда про восприятие, рассудок, разум и мысль? Они не могут быть представлены даже с самым большим желанием, как возникающие среди пустоты и атомов; т.е. среди вещей, которые, будучи взятыми по отдельности, не имеют качеств и которые при столкновениях не влияют ни на что и сами не изменяются. Как мы видим, на самом деле даже их встреча не ведет к слиянию, смешению или слиянию, а только к ударам и отскокам. Таким образом, доктрины именно этих людей [эпикурейцев] уничтожают жизнь и живые существа, так как первичные элементы в их гипотезе пусты, бесстрастны, безбожны и неодушевлены и, более того, неспособны к смешению или слиянию.

11. Тогда как они могут утверждать, что оставляют место для природы вещей, для разума, для живого существа? Также как они это делают для клятвы, молитвы, жертвоприношения или поклонения: в своей манере говорить, в словах,

в утверждениях, в притворстве и в именах вещей, признавая их, но на самом деле отменяя своими базовыми принципами и положениями.

Но если под «природой» они просто имеют в виду вещь, которая возникает естественно, а под «рождением» - вещь порожденную, точно так же, как с помощью способа выражения люди называют куски дерева «досками», а согласные ноты - «согласием», тогда к чему Колоту взбрело в голову задавать Эмпедоклу такие вопросы как этот? *«Почему мы изнуряем себя, серьезно относимся к себе, ищем определенные реальности (realities) и избегаем других? Ибо мы не существуем и в своей жизни не используем другие реальности (realities)».*

«Почему не боитесь», - можно было бы ответить, - *«мой дражайший Колотарион? Никто не мешает вам относиться к себе серьезно».* Он учит, что «природа» Колота - это не что иное, как сам Колот, и что вы имеете дело с «реальностями» («реальности» для вас и вашей компании - это удовольствие); указывает, что нет «природы» тортов, запахов или полового акта, но есть торты, духи и женщины. *«Грамматик, говорящий о могуществе Геракла»* уже не является самим Гераклом; равно как и те, кто заявляет, что «согласования» и «стропила» являются простыми формами речи, не отрицают существование нот и стропил. Действительно, мы видим, что некоторые люди, отменяющие разум и мысль, полагают, что они не отменяют ни жизни, ни мышления.

Когда Эпикур говорит: *«Природа существующих вещей - атомы и пустота»*, мы понимаем, что он имеет в виду; что «природа» отлична от «существующих вещей», или просто нужна для обозначения «существующих вещей» и ничего более, точно так же, как эта его привычка, например, использовать выражение «природа пустоты» для «пустоты» и «природа Вселенной» для «Вселенной»? И если спросить его: *«В каком это смысле, Эпикур, ты говоришь, с одной стороны, о «пустоте», с другой – о «природе пустоты»?»* – то он ответит: *«Клянусь Зевсом, такое употребление имен принято по установлению людей,*

И я тоже говорю так, как и они, подстраиваясь под обычай».

Тогда разве это не именно то, что сделал и Эмпедокл? Он учит, что не существует такой вещи, как природа, помимо того, что создается естественным путем. Или не существует смерти отдельной от того, что умирает, но что просто поэты часто создают воображаемые существа, персонифицируют абстракции и говорят:

Встряли меж ними Смятение, Раздор и мрачная Смерть,

И поэтому обычно люди и дают такие имена, как «зарождение» и «разрушение» для тел, подвергающимся объединению или разделению. Эмпедокл был так далек от того, чтобы отрицать реальность и противоречить видимости, что он даже не вышел за границы обычной речи, а только устранил вредное недоразумение, которое оно вызывает в отношении названных вещей, а затем восстановил термины, которые они сейчас используют в этих строках:

*Всякий раз, как люди заметят, что элементы смешались в
облике человека,
Или же в виде породы диких зверей, или в облике деревьев,
Или в облике птиц, тогда они говорят: «Это родилось».
Когда же они разделятся, то называют это «злосчастной
смертью».
Так принято, и я тоже следую обычаю.*

Хотя Колот сам цитирует эти строки, он не видит, что Эмпедокл не уничтожил людей, зверей, растения и птиц - поскольку он говорит, что они произведены смесью элементов. Он, скорее, только проинформировал тех, кто идет дальше и использует для этого сочетания и разделения термины «природа», «несчастливая судьба» и «злосчастная смерть» не так, как надо. Он просто не запрещал использование данных выражений о них.

12. Тем не менее, со своей стороны, я считаю, что Эмпедокл здесь не поднимает вопрос о словесном выражении, но, как я сказал ранее, оспаривает факт порождения из несуществующего, которое некоторые называют «природой». Он особенно показывает это в следующих строках:

*Глупцы! Сколь недалёковидны их мысли,
Если они полагают, что может родиться то, чего прежде не было,
Или же нечто умереть и изничтожится совершенно.*

Это слова того, кто звонко говорит всем имеющим уши чтобы слышать, что он не отменяет род, а только «порождение из несуществующего»; не уничтожает разрушение, а только «полное разрушение», то есть разрушение, которое сводится к небытию. В самом деле, любой, кто предпочитает более умеренный вид придирки вместо этой бесхитростной жестокости [Колота], найдет в следующем отрывке средство для противоположной атаки. Там Эмпедокл говорит:

*Искушенному человеку не может прийти на ум догадка,
Что-де покуда живут в течении того срока, который именно и
называют жизнью.
До тех лишь пор они существуют и испытывают добро и зло,
А до того, как они сплотились и после того, как они разложились,
они-де ничто.*

Ибо это не слова того, кто отрицает существование людей, которые были рождены и живы, а скорее того, кто принимает за существовавших, как нерожденных, так и уже мертвых. Колот, однако, не нашел в этом никаких недостатков, но говорит, что, с точки зрения Эмпедокла, мы никогда даже не заболеем или не получим ран. Но как мог тот, кто говорит, что до жизни и после жизни каждый страдает добром и злом, «не оставить страданий живым»? Кто такие те люди, Колот, которые действительно неуязвимы для ран и болезней? Это вы сами, сжатые из атомов и пустоты, ничего из которых не имеет ощущений. Вы можете не возражать против этого, но впереди еще худшее: вы также не ощутите

ничего, что могло бы доставить вам удовольствие, поскольку ваш атом не воспринимает причины удовольствия, и ваша пустота не реагирует на них.

13. Поскольку Колот приложил все усилия, чтобы уничтожить Парменида сразу же после Демокрита, тогда как я пропустил этот отрывок и сначала коснулся его обращения с Эмпедоклом, (*так как тот был лучше связан с первым набором обвинений*), давайте теперь вернемся к Пармениду. Что касается «постыдных» софизмов, которые Колот приписывает ему, то великий философ не использовал их для того, чтобы умалить высокую репутацию дружбы или подстегнуть жажду удовольствий; он не лишал добродетель её естественной красоты или того, что её ценили ради неё самой; он не разрушал наши представления о Богах. И тем не менее, сказав, что «вселенная Едина», он каким-то образом помешал нам жить. Так и Эпикур, когда говорит, что «вселенная» бесконечна, не рожденная и нетленная, не подвержена ни увеличению, ни уменьшению, говорит о вселенной как о чем-то одном. Когда в начале своего трактата он предполагает, что *«природа вещей - это атомы и пустота»*, он рассматривает эту природу как единое целое, разделяя её на две части, одна из которых на самом деле ничто, но названа вами и вашей компанией «нематериальной», «пустой» и «бестелесной». Так что и для вас Вселенная едина, если только вы не имеете в виду, что принадлежащее «миру интеллекта» есть вещи другого рода, поскольку на самом деле это:

Целое, неподвижное и нерожденное,

цитируя собственные слова Парменида, этот мир подобен себе и устойчив в том, что он есть. Колот придирается к языку и нападает на манеру выражения, а не на суть, когда говорит, что Парменид тщательно сметает все вещи, закладывая в основание одно лишь Бытие. Однако Парменид не отменяет ни тот, ни другой мир. Он отдает каждому должное и помещает то, что принадлежит миру интеллекта, под заголовки «Единое» и «Бытие», называя это «Бытием», потому что оно вечно и нетленно, и «Единым», потому что оно едино с самим собой. И не допускает здесь никаких вариаций, в то время как то, что принадлежит чувственному миру, он предоставляет неупорядоченному движению. Из них мы можем далее соблюдать следующие два критерия:

Непогрешимое сердце самой убедительной Истины,

которая имеет дело с идеальным и неизменно остающимся одним и тем же,

Так и мнения смертных, в которых нет верности точной,

потому что они общаются с объектами, допускающими всевозможные изменения, случайности и нарушения. Но как он мог оставить нам ощущения и веру, если бы он оставил нас без объекта ощущения и без объекта веры? На этот вопрос нет ответа. Нет, поскольку то, что существует на самом деле, должно сохраняться в своем существовании; тогда как наглядные вещи, которые бросаются в глаза - «сейчас есть, а завтра нет». Навсегда отказываясь от своей природы и принимая другую, эти вещи требовали, как ему [Пармениду] казалось, обозначения, отличного от того, что применяется к первому. Таким образом, его утверждение, что Бытие есть Единое, не было отрицанием множественности и самих

воспринимаемых вещей, но указанием на их отличие от того, что известно «чистому уму». Платон, еще более четко обозначив это различие в своей теории идей, также предоставил Колоту возможность для нападков.

14. Поэтому я намерен заняться его последующей атакой на Платона. И сначала давайте рассмотрим усердие и ученость нашего философа, который говорит, что доктринам Платона следовали Аристотель, Ксенократ, Теофраст и все перипатетики. В какой пустыне ты написал свою книгу, что, выдвигая эти обвинения, не смог взглянуть на их сочинения или взять в руки труды Аристотеля «О небесах и душе», ответ Теофраста «К философам-естествоиспытателям», Гераклидоваго «Зороастра» или «О подземном мире»? и «Спорные вопросы в естественной философии» и «О душе» Дикеарха, в которых они постоянно расходятся с Платоном, противопоставляя ему самые фундаментальные и далеко идущие вопросы натурфилософии?

На самом деле Стратон, главный из оставшихся перипатетиков, во многих пунктах не согласуется с Аристотелем и принял взгляды, противоположные Платону, о движении и о разуме, душе и поколении; и в конце он говорит, что сама вселенная не является одушевленной и что природа является следствием случайности, поскольку спонтанно инициирует движение, и только тогда осуществляются различные естественные процессы. Что касается идей, за которые наш эпикуреец осуждает Платона, то Аристотель, который повсюду атакует их и выдвигает против них всевозможные возражения в своих трактатах по этике и натурфилософии и в своих популярных диалогах, некоторые считали более спорными, чем философскими в своем отношении к этой доктрине и стремлением подорвать философию Платона - настолько он был далек от того, чтобы следовать за ним. Каким легкомысленным может быть человек! Не удосужиться проинформировать себя о взглядах этих людей, а затем отстаивать их взгляды, которых они не придерживались. Находится в убеждении, что он выставляет глупцами других, чтобы собственными руками разоблачить собственное невежество и безрассудство, когда он утверждает что люди, расходящиеся с Платоном, на самом деле согласны с ним, и что люди, которые нападают на него, являются его последователями!

15. *«Но Платон говорит, что бессмысленно считать лошадей лошадьми, а людей людьми».* И где в трудах Платона ты, Колот, нашел это спрятанным? Я лично, читая их, обнаружил, что он повсюду считает человека - человеком, лошадь - лошадью и огонь - огнем; в действительности поэтому он называет всё это «объектами мнения». Но наш друг, отделенный от мудрости далеко не на волосок, считал, что фраза *«это не есть человек»* - то же самое, что *«человек – небытие»*. Только вот с точки зрения Платона, существует огромная разница между «не есть» и «есть небытие», поскольку под вторым понимается отрицание любого вида бытия, а под первым - инаковость участника и того, в чем он участвует. Это инаковость, которую более поздние философы подвели под понятие простого различия родов и видов или между общими и не общими признаками, и не пошли дальше, поскольку они оказались вовлечены в проблемы более чистого диалектического характера. Отношение основного ко вторичному –

это отношение причины к материи, модели к копированию, силы к действию. И главным образом это отношение делает абсолютное и всегда тождественное отличным от того, что вызвано чем-то другим, и что никогда не находится в одном и том же состоянии. Первое никогда не будет небытием и никогда не появилось, и, следовательно, является в полном и истинном смысле «бытием»; в то время как последнее не имеет твердой власти даже в таком участии в бытии, какое он, кстати, имеет от чего-то еще. Последнее слишком слабо, чтобы сохранить свою идентичность, поскольку материя свободно прилегает к своей форме и допускает в своей копии многие эффекты и изменения, которые приводят к движению и нестабильности.

Поэтому человек, говорящий что образ Платона не есть сам Платон, не отрицает восприятия и существования его как образа. Он лишь указывает на разницу между тем, что есть само по себе, и тем, что возникло как нечто отличное от первого и лишь относительно него. Точно так же не отрицают реальность и те люди, которые называют каждого из нас, возникающими через участие в определенном общем существе и форме [«человек вообще»], в образе того, что придавало его сходство нашему строению. Действительно, не будет же тот, кто отрицает, что кусок раскаленного железа — это стихийный огонь, или кто говорит, что лунный свет — это не солнечный свет, называя это вместо этого словами Парменида:

*Свет инопланетной породы
Который светится ночью и бродит по земле,*

отменять использование железа или лунного света; только потому, что отрицает, что одно является телом, а другое — светящимся. Будет ли он [Эпикур] в состоянии войны с чувствами, после того как сам не оставил в мире ни тела, ни животных, ни порождения, ни смысла. Но тот, кто предполагает, что эти вещи существуют благодаря восприятию и далеко отстают от того, что есть Вечность, и что дает им их Бытие — вовсе не слеп к тому, что мы видим, но, ещё скорее, он не слеп к тому, что мы знаем. Он не отрицает мир становления и представленных нашим чувствам объектов, но указывает тем, кто может следовать за ним, что есть ещё другие вещи, более стабильные, чем эти. Эти вещи более устойчивые в Бытии, потому что они не возникают, не гибнут и не претерпевают изменений; и фиксируя это различие точнее, он при помощи своих терминов учит различать вещи одного вида, которые есть; и другие вещи, которые возникают. Мы обнаруживаем, что более поздние философы поступали также; они отказывают многим важным реальностям в названии истинного Бытия — пустоте, времени, месту и всему классу значений без исключения, который включает в себя все истинное. Они говорят, что хотя они и не «бытие», тем не менее они «нечто»; и они продолжают использовать их в своей жизни и своей философии как реальные и существенные.

16. Но я хотел бы спросить того самого человека, который предъявляет это обвинение, не видит ли его школа этого различия в своей собственной системе, в соответствии с которой некоторые объекты постоянны и неизменны в своем существе. Например, атомы в их доктрине всегда одинаковы, поскольку они

слишком тверды, чтобы на них повлиять, в то время как все агрегаты атомов подвержены потоку и изменению, возникают из этого бытия. Поскольку бесчисленные «видности» покидают их в постоянном потоке, а бесчисленное множество других, как предполагается, втекают из окружения и пополняют «массу», которая меняется в результате этого обмена и изменяется по своему составу, поскольку фактически даже атомы внутри совокупности никогда не могут перестать двигаться или вибрировать друг относительно друга, как говорят сами эпикурейцы - поэтому у них также различаются Бытие и видимость.

«Верно, - скажете вы, - что такая разница в способах существования находится в реальном мире. Но Эпикур показывает себя лучшим философом, чем Платон, применяя понятие «бытие» ко всем одинаково, к неосязаемой пустоте и непроницаемому телу, а также к элементам и их совокупностям, считая, что как общий так и единичный способ существования находится равно как в вечном, так и в порожденном, как в нерушимом, так и в разрушаемом, как в незатронутых, так и в устойчивых и неизменных реальностях. В тех, которые никогда не могут быть изгнаны из бытия, и в тех, чье бытие лежит в действительности, что они подвергаются действию и изменяются, и которые ни на мгновение не остаются такими, какими они были».

И, тем не менее, если допустить, что Платон полностью ошибался в этом, то именно за преступление в лингвистическом искажении ему следовало предстать перед судом тех экзаменаторов, чей греческий язык более правильный и имеет более чистый стиль; но его не следовало обвинять в «уничтожении реальности» и выведении нас за пределы этой жизни, потому что он назвал вещь, которая становится - «вещью, которая становится»; а не как эти люди, «вещью, которая есть».

17. Но поскольку после Парменида мы пропустили Сократа, то теперь мы должны снова сделать шаг назад и перейти к его обсуждению. С самого начала Колот прибегает к своим запасам: после рассказа о том, что Херефон вернулся из Дельф с оракулом о Сократе, который мы все знаем [что Сократ мудрейший на свете], он комментирует: *«Мы откажемся от этого предприятия Херефона, так как это не что иное, как дешевый и софистический рассказ».*

Потом был «дешевый» Платон, записавший этот оракул, не говоря уже об остальном; еще «дешевле» были лакедемоняне, сохранившие в своих древнейших записях оракул о Ликурге; это «предприятие» Фемистокла было софистической историей, которая убедила афинян покинуть город и одержала победу над варваром в море. «Дешевы» также законодатели Греции, установившие большее количество обрядов поклонения, и что самое важное, на основании авторитета Дельф. Если тогда оракул, который был приведен в память о Сократе, человеке, который стал фанатиком добродетели, назвав его мудрым, был дешевой «уловкой софиста», то какого эпитета заслуживают, ваши «рыки» экстаза и «крики благодарения», бурные «взрывы аплодисментов» и «благоговейные демонстрации», весь этот аппарат обожания, к которому вы, люди, прибегаете, прося и воспевая человека, который призывает вас к продолжительным и частым

удовольствиям? Человека, который в письме к Анаксарху способен написать такие слова:

«Но я со своей стороны призываю тебя к постоянным удовольствиям, а не к добродетелям, которые наполняют нас надеждами на будущее вознаграждение, нежными, глупыми и фатальными для нашего душевного покоя».

Это его подлинные слова; и все же Метродор, например, может после этого использовать следующие обороты речи в обращении к Тимарху:

«Давайте увенчаем благоприятное начало благоприятным концом, но утопая в общении, получая опыт и обменивая эту земную жизнь на святые мистерии Эпикура, которые поистине являются откровением бога».

С другой стороны, и сам Колот, слушая лекцию Эпикура по натурфилософии, внезапно пал перед ним ниц и обнял его за колени; и вот что пишет об этом сам Эпикур, не скрывая торжественной гордости: *«Из уважения к тому, что я тогда говорил, тебе пришло желание, несогласное с учением о природе и естественными объяснениями, обхватить мои колени, обнять меня и оказать мне знаки уважения, которые обыкновенно оказываются людьми при почитании некоторых лиц и обращении к ним с мольбами. Таким образом ты заставляешь и меня ответить поклонением тебе и уважением».*

Мое слово! Мы можем понять тех, кто говорит, что они готовы заплатить любую цену, чтобы увидеть картину с этой сценой, когда один преклоняет колени у ног другого и обнимает его, а другой отвечает на мольбу и поклонение. И все же этот акт почтения, хотя и искусно придуман Колотом, не принес должных плодов: он не был провозглашен мудрецом. Эпикур просто говорит: *«Иди, как нетленный в моих глазах, и думай обо мне как о нетленном».*

18. Тем не менее, с такими словами, позами и эмоциями на совести, они ещё называют других «дешевыми». И когда Колот, изложив эти глубокие и благородные истины об ощущениях, что *«мы едим пищу, а не траву, и когда реки большие - мы пересекаем их на лодке, а когда они становятся бродом - мы пересекаем их пешком»*, следует далее с этим: *«Дело в том, Сократ, что твои аргументы были шарлатанством; то, что ты говорил людям в своих диалогах, было одним, но то, что ты на самом деле делал, было другим».* Диалоги Сократа могли быть чем угодно, кроме шарлатанства, когда он говорил, что сам ничего не знает, но всегда учится и ищет истину! Если только ты, Колот, не встречался с выражениями Сократа, подобными тому, что написал Эпикур в письме Идоменею,

«Так, присылай нам начатки [пожертвования] для ухода за нашим священным телом ради тебя самого и твоих детей. Так говорить мне пришлось».

К каким более грубым речам вы могли бы прибегнуть? Действительно, ваше обвинение в том, что Сократ сказал одно, а сделал другое, прекрасно подтверждается тем, что он сделал в Делии, в Потидее, при правлении Тридцати, его отношением к Архелаю и перед собранием в Афинах, а также его бедностью и смертью. Во всём этом ничто не могло сравниться с его речью. Единственное, что могло действительно, (о моя блаженная невинность), проклясть Сократа за то, что он нарушил свои предписания своей практикой, это следующее: если бы он сделал удовольствие высшим благом и затем жил так же, как и было на самом деле.

19. Так много сказано в ответ на оскорбления. Колот не заметил, что он сам несет ответственность за недоверие к очевидным свидетельствам чувств. Ибо это один из догматов Эпикура, согласно которому никто, кроме мудреца, ни в чем не убежден неизменно. Теперь, поскольку Колот [даже самим Эпикуром] не был признан мудрецом, и это даже после своей демонстрации благоговения - пусть он сам будет первым, кому задаст собственные вопросы: *«как так получилось, что он ест пищу и не ест траву, оборачивает свой плащ вокруг себя, а не вокруг столба, хотя он не безоговорочно уверен, что либо плащ - это плащ, либо что еда - это еда»?*

Но если он не переходит пешком реки, когда они полноводны, и держится подальше от змей и волков, не из твёрдого и постоянного убеждения, что все это такое как кажется, но в каждом случае руководствуется внешним видом, то, конечно же, Сократ тоже не был лишен чувств, чтобы не иметь дело с явлениями ровно таким же образом. Ибо чтение посланных небесами «Канонов» не сделало хлеб Колота хлебом, а траву - травой, тогда как шарлатанство Сократа придало ему хлеб как траву, а траву - как хлеб. Ибо только в своем учении и аргументах эти мудрецы имеют преимущество перед остальными из нас; воспринимать чувствами и получать впечатления при столкновении с явлениями случается с каждым, поскольку это работа причин, не имеющих ничего общего с рассуждением. Индуктивный аргумент, с помощью которого мы заключаем, что чувства не точны и не заслуживают доверия, не отрицает, что объект представляет нам определенную видимость; но он запрещает нам, хотя мы продолжаем использовать чувства и принимаем видимость в качестве нашего руководства в том, что мы делаем, - доверять им полностью как безошибочно истинным. Ибо мы не просим от них ничего большего, чем утилитарное обслуживание неизбежных потребностей первой необходимости, поскольку нет ничего более доступного; но они не дают совершенного знания и понимания того, чего философская душа жаждет приобрести.

20. Обо всех этих вещах Колот даст нам повод снова поговорить, поскольку он выдвинул эти обвинения против многих авторов. Мы переходим к откровенной насмешке и непристойности его нападок на Сократа за то, что тот пытается понять, что такое человек, и «выставляет напоказ» (как выразился Колот) своё хвастовство в том, что он даже «не знал самого себя». Из всего этого мы видим, что Колот, со своей стороны, никогда не озадачивался такой проблемой. Тогда как Гераклит сказал как будто о каком-то великом и высоком достижении: *«Я искал себя»*; а изречение *«Познай себя»* считалось самым богоподобным из всех

Дельфийских предписаний, и к тому же это повеление, которое заставило Сократа задуматься и вопрошать, как сказал Аристотель в своих платонических сочинениях. Колот, однако, считает этот вопрос абсурдным. Почему же тогда он не высмеивает и своего господина, который делал это так же часто, как писал или говорил о строении души и «инициативе агрегата частиц»? Ибо если (как они сами считают) комбинация двух частей: тела определенной конструкции и души – является человеком; тогда тот, кто стремится открыть природу души, стремится открыть природу человека, начиная с более важного источника. И о том, что душу трудно постичь рассудком и невозможно распознать чувствами, давайте учиться не у Сократа, этого «софиста и шарлатана». Давайте учиться у наших мудрецов, которые доходят до тех сил души, что воздействуют на плоть, и с помощью которых она сообщает телу тепло, мягкость и твердость, когда они производят её субстанцию, комбинируя свои собственные разновидности тепла, газа и воздуха [шутка про пердеж?], но уходят до того, как достигнут вершины силы. Ибо то, посредством чего он судит, помнит, любит и ненавидит, короче говоря, его способность мыслить и рассуждать, добавляется к этому, как они говорят, из качества, «не имеющего имени». Эти разговоры о том, что «не имеет имени», – это, как мы знаем, признание смущенного невежества: они говорят, что просто не могут назвать то, что на самом деле не могут понять. Но пусть и это, как говорится, «будет прощено». Ибо в этом, очевидно, нет ничего обычного, и понимание души не является легким делом и вопросом для обычных способностей; она зарылась в какой-то неприступный укромный уголок и скрывается наиболее хитроумно, если действительно ни одно слово во всем диапазоне языка не подходит для её выражения. Значит, Сократ не был дураком в попытках узнать, кто он такой; дураки – это все те, кто думает отдать приоритет другому вопросу, а не этому, ответ на который должен быть найден, но который так трудно найти. Ибо никто не может надеяться достичь понимания чего-либо еще, когда знание того, чем он владеет в первую очередь, ускользает от его понимания.

21. Тем не менее, признавая вместе с Колотом, что нет ничего мягче или «дешевле», чем поиски познания самого себя, давайте спросим его, как это может привести к краху нашей жизни или почему человек не сможет продолжать жить, если в тот или иной момент прибегает к рассуждениям с самим собой? Дай мне теперь посмотреть, что такое «Я» на самом деле; что эта за штука, которую зовут «Я»?

Я это смесь; сочетание этой души с этим телом? Или я скорее душа использующая свое тело, равно как всадник - это человек, использующий лошадь, а не соединение лошади и человека? Или каждый из нас - не душа, а лишь «ведущая часть души», с помощью которой мы думаем, рассуждаем и действуем, а все остальные части души и тела являются всего лишь инструментами для применения её силы? Или в душе вообще нет субстанции, а тело само по себе приобрело силу мысли и жизни? Но не этими вопросами (говорите вы), на которые ищут ответы все изучающие натурфилософию, Сократ упраздняет возможность жизни; именно чудовищность «Федра» вносит хаос в нашу жизнь, когда Сократ считает, что ему следует подумать о себе, чтобы увидеть, *«является ли он чудовищем более замысловатым и яростным, чем Тифон, или же*

существом более кротким и простым и хоть скромным, но по своей природе причастным какому-то божественному уделу». Но эти размышления не сделали его жизнь невозможной; он скорее очистил её от безумных наваждений глупости и заблуждения - от тяжелого груза глупых самонадеянностей и шумного хвастовства. Ибо это именно то, что означает «Тифон», и ваш хозяин (Эпикур) вселил в вас много «Тифона» ведя свою войну против Богов и Богоподобных людей.

22. После Сократа и Платона он нападает на Сильпона, и, не раскрывая истинного учения и мыслей этого человека, - которые только и принесли известность, как ему самому, так и его стране, друзьям и царям, которые ценили его за высокий характер, соединенный с кротостью и невозмутимостью, - Колот упоминает одну из маленьких головоломок, которые Сильпон предлагал софистам, чтобы подразнить их и развлечься с ними.

И не отвечая на этот вызов, не обнаруживая и не разоблачая заблуждение, на высокомерном сценическом языке Колот нападает на Сильпона, говоря, что тот лишает нас возможности жить, при помощи своих утверждений, что одно не может быть основано на другом.

«Ибо как мы будем жить, если мы не можем называть человека хорошим или генералом, но можем только с одной стороны называть человека - человеком, а с другой - хорошим, добрым и генералом, или если мы не можем говорить о десяти тысячах всадников или сильном городе, а только говорим, что всадники - это всадники, а десять тысяч десять тысяч, и так же с остальными?».

Но Колот! Жизнь какого человека была когда-либо хуже из-за этого замечания Сильпона? Кто, услышав это, не понял, что это забавная шутка или диалектическое упражнение, предложенное для решения другими? Серьезно, Колот не отказывается называть человека добрым или всадников десятью тысячами, но отказывается называть бога - богом или верить в него. Ведь это то, что делаете вы и ваша компания, не признающая, что Зевс есть «Создатель рас», Деметра «Дарительница законов» или Посейдон «Страж роста». Именно это (!) отделение одного слова от другого наносит большой вред и наполняет вашу жизнь безбожной небрежностью и безрассудством; когда вы отрываете от богов присваиваемые им имена и этим единственным действием уничтожаете все жертвоприношения, мистерии, процессии и праздники.

Кому мы принесем жертву перед пахотой, жертву за избавление? Как мы будем проводить церемонии Несения Света, Празднества и Брачные обряды, если мы не оставим для себя ни Дамы бракосочетания, ни Гуляки, ни Носителя Света, ни Хранителя Пахоты, ни Избавителя? Эти взгляды затрагивают вопросы высочайшего и серьезного значения, и ошибка в них связана с настоящей реальностью, а не с праздным набором слов, сочетанием их значений или общепринятым использованием; ведь если простая лингвистическая путаница губительна для нашей жизни, то какая школа более ошибочна в своих взглядах на

речь, чем ваша? Кто зачищает подчистую все категории значения, которые придают рассуждениям их субстанциальную реальность, и не оставляет ничего, кроме слов и фактов? Ведь это вы говорите, что промежуточные объекты рассуждений, означаемые вещи, которые являются средствами обучения, обучения, представления, понимания, аппетита и согласия, вообще не существуют.

23. Тем не менее, точка зрения Сильпона такова: если мы говорим о добре человека или беге лошади, то сказуемое (как он утверждает) это не то же самое, что и подлежащее, но формула, определяющая сущность человека, - это одно, а формула, определяющая сущность добра, - другое. И снова, «быть лошадью» отличается от «бега», потому что, когда мы просим дать определение, мы не даем одинаковые формулы для каждого случая. Поэтому заблуждаются те, кто утверждает одно о другом, как если бы сущность обоих одна и та же. Ибо если добро - то же самое, что человек, а бег - то же самое, что лошадь, то почему мы также говорим о доброй пище и лекарствах или, опять же (если на то пошло), беге льва и собаки? Но если они разные, тогда мы ошибаемся, если говорим, что «мужчина хорош» и что «лошадь бежит». Если Сильпон тогда произвел эту едкую насмешку, запрещая нам соединять вещи, то этим он, очевидно, затрудняет использование некоторых слов и возражает против их обычного употребления, но он не уничтожает нашу жизнь или реальность, о которых мы говорим.

24. В конце концов, покончив с древними, Колот обращается к философам своего времени, не называя их имен, хотя правильнее было бы назвать и этих людей в своем опровержении или не называть тогда уже и древних тоже. Тот, кто так часто сбрасывал со своего пера имена Сократа, Платона и Парменида, очевидно, пал духом, когда столкнулся с живыми оппонентами; но он не умерил свой тон, потому что будь он уважительным, то проявил бы такое же уважение и к лучшим. Я подозреваю, что он намеревается, во-первых, опровергнуть Киренаиков, а во-вторых, Аркесилаеву Академию. Эти последние были теми, кто «воздерживался от суждений» обо всем; в то время как первые, помещая все переживания и впечатления внутрь себя - полагали, что полученные из них свидетельства недостаточны для уверенности в реальности, и отступили, как в осаде, из окружающего их мира, замыкаясь в своих ответах, и допуская, что внешние объекты «кажутся», отказываясь рисковать и произносить слово «есть».

Поэтому, говорит Колот, они не могут жить и не могут справиться с окружающим миром, и продолжает насмехаться над этим: *«Тут не говорится, что это человек, или лошадь, или стена; но говорится, что это они сами «стенные», «лошадные» и «людные».* Во-первых, Колот, как недоброжелатель, несправедлив в самих терминах. Конечно, эти последствия среди прочего вытекают из принципов школы; тем не менее, он должен был представить результаты так, как их представляет сама школа в своем собственном обучении. Ибо термины, которые они используют: «подслащенный», «горький», «охлажденный», «нагретый», «освященный» и «затемненный», как переживания обладают внутренним и бесспорно внутренним характером. В то время как мнение о том, что мёд сладок, листья оливы горькие, град холодный, согревание

вином плавное, солнечный свет и ночной воздух темный, наталкивается на доказательства обратного от многих свидетелей - животных, зерна и людей; ибо кому-то неприятен мед, кто-то питается оливковыми листьями, кто-то опалается градом, кто-то охлаждается вином, а кто-то ослепляет на солнце ночью. Соответственно, когда мнение укладывается в рамки наших ответов, оно остается свободным от ошибок; но когда оно уходит за пределы и вмешивается в суждения и заявления о внешних вещах - тогда оно неизбежно впадает в противоречие с самим собой и вступает в конфликт с теми, у кого те же самые вопросы вызывают противоположные переживания и разнородные впечатления.

25. Похоже, что Колот находится в затруднительном положении, в затруднительном положении мальчика, который только начал читать: он привык повторять иероглифы, написанные на их табличках, но озадачены и растеряны, когда видит символы вне табличек и написанные на других предметах. То же и с ним: рассуждение, которое он с удовлетворением принимает, когда находит его в писаниях Эпикура, он не понимает и не распознает, когда это же рассуждение используют другие. Ведь школа Колота, которая утверждает, что когда круглые или изогнутые «видности» приходят в столкновение с нами, то этот отпечаток действительно воспринимается чувством; но [эта школа] отказывается позволять нам идти дальше и утверждать, что башня круглая или что весло изогнуто; она отстаивает истинность своих переживаний и чувственных впечатлений, но не допускает соответствия внешним объектам - точно такая же, как и эта другая, критикуемая ими школа. И Колот, точно также, должен говорить про «лошадиность» и «стенность», но не о самих лошади или стене; и точно также ему необходимо говорить, что это глаз округлый или изогнутый - а не то, что весло изогнуто, а башня круглая. Ведь изгибается именно «истечение» производящее эффект в глазу, тогда как само весло, от которого истечения возникли - не изогнуто.

Таким образом, поскольку воздействие, производимое на чувства, отличается от самого по себе внешнего объекта, судить можно только об эффекте, и не добавлять «это есть» к простому «кажется». Этот их громкий и полный негодования протест в защиту ощущения - вовсе не утверждает, что внешний объект является теплым, а лишь производит в ощущении подобный эффект. Разве это не то же самое, что утверждение о вкусе: не сам внешний объект сладок, а лишь в рецепторах вкуса произошло такое воздействие и движение? Человек говорит: *«Я получаю отпечаток «человечности», но не воспринимаю, есть ли там человек»*. Кто навел его на такое представление? Разве не школа, которая утверждает, что они получают отпечаток кривизны, но что их зрение не выходит за рамки того, чтобы объявить, что объект изогнутый или все же круглый; а в нем просто возникла видимость и впечатление округлости?

«Совершенно верно», - скажет кто-то; «но я подойду к башне и пощупаю весло, и после этого я объявлю весло прямым, а башню угловатой; но этот другой товарищ даже вблизи признает только то, что у него есть это «видение» и что существует эта «видимость», но больше он не предоставит нам ничего». Совершенно верно, мой добрый друг, поскольку он лучше тебя умеет замечать и

придерживаться последствий своего учения - он скажет, что каждое ощущение одинаково заслуживает доверия, когда оно свидетельствует от своего собственного имени, но ни одно ощущение не заслуживает доверия, когда оно свидетельствует от имени кого-то еще, и все ощущения одинаково прочны.

И вот конец вашему догмату о том, что все ощущения истинны и не являются ненадежными или ложными, если вы считаете верным, что часть их утверждает о внешних объектах, в то время как другим ощущениям вы отказались доверять во всем, что выходит за рамки непосредственного опыта. Ибо, если знание об объектах находится на одном уровне надежности, подходят ли они близко или находятся на расстоянии; то было бы справедливо в полной мере пользоваться суждением «это есть», или, в противном случае, отрицать его вместе с первым. Принимая во внимание, что есть различие в воздействии, производимом на наблюдателя, когда предмет находится на расстоянии и когда он находится под рукой; было бы неверно утверждать, что никакие впечатления и никакие ощущения не являются более истинными, чем другие. Точно так же «свидетельство в подтверждение» и «свидетельство в опровержение», о которых они говорят, не имеют отношения к ощущению, а только к нашему мнению о нем. И поэтому, если они говорят нам руководствоваться данным свидетельством, когда мы делаем заявления о внешних объектах, они выражают «мнение», чтобы вынести вердикт «это есть», и чувства как воспринимающие опыт «кажимости» и таким образом переносят решение из того, что неизменно верно к тому, что часто бывает неправильно.

26. Но нужно ли сейчас останавливаться на всей неразберихе и внутренней непоследовательности их позиции?

Репутация Аркесилая, наиболее почитаемого из философов того времени, по видимому, сильно раздражала Эпикура. Он говорит, что, хотя этот философ и не сказал ничего нового, он произвел на неграмотных людей большое впечатление и внушил веру в то, что таки сделал это - правда наш критик, конечно, и сам широко читается и пишет с завораживающим очарованием. Но Аркесилай был так далек от того, чтобы дорожить какой-либо репутацией «новатора» или претендовать на какую-либо древнюю доктрину как на свою собственную, что софисты того времени обвиняли его в приписывании своих собственных взглядов на «воздержание от суждений» и «невозможность безошибочного восприятия» - Сократу, Платону, Пармениду и Гераклиту, которые очень мало нуждались в таком толковании. Но Аркесилай хотел как бы подтвердить свои взгляды этим обращением к весьма уважаемым именам. Поэтому ради него мы благодарны Колоту и всем, кто показывает, что академические рассуждения пришли к Аркесилаю как древняя традиция.

Мнение о том, что мы должны «воздерживаться от суждений» обо всем, не поколебали даже те, кто проводил тщательные исследования и составлял длинные и аргументированные трактаты, чтобы опровергнуть его. Эти люди из стоической школы, наконец выдвинули против него из как головы Горгоны, аргумент «полного бездействия» и сами отказались от битвы. Ибо, несмотря на все их исследования и мучения, импульс отказывался превратиться в согласие или

принять ощущение, как то, что склоняет чашу весов при выборе; вместо этого было замечено, что оно ведет к действиям по собственной инициативе, не требуя одобрения других сторон. Но дебаты с этими оппонентами [стойками] ведутся в соответствии с правилами, и

Раз ты вопрошаешь, то тебе ответят,

тогда как все разговоры об импульсе и согласии получаемые нами от Колота, это ответы такого же рода, который музыка получает от игры осла на лире. Для тех, кто внимателен и кто имеет уши, чтобы слышать, аргументация Колота звучит так:

У души есть три движения: ощущение, импульс и согласие. Теперь движение от ощущения не может быть устранено, даже если бы мы хотели; вместо этого, встречая объект, мы обязательно получаем отпечаток и попадаем под воздействие предмета. Импульс, вызванный ощущением, движет нами как действие, направленное к подходящей цели: на весы нашей «ведущей части души» положен своего рода литейный груз, и он запускает наше целенаправленное движение.

Но таким образом, те, кто «воздерживается от суждения» обо всем, не устраняют и это второе движение, но следуют своему импульсу, который инстинктивно ведет их к благу, дарованному ощущениями. Тогда чего единственного они избегают? Только того, в чем могут возникнуть ложь и заблуждение, а именно - формирования мнений и, таким образом, опрометчивого вмешательства в наше «согласие». Такое согласие являлось бы уступкой видимости, которая возникает из-за нашей слабости и совершенно бесполезна.

Для действия же необходимы две вещи: чувства должны представлять нам благо, а импульс должен быть направлен на это уже представленное нам благо; и ничего из этого не вступает в конфликт с «воздержанием от суждения». Поскольку сами мысленные аргументы отрывают нас от мнения, а не от самого импульса или ощущения. Итак, как только что-то хорошее для нас воспринимается, то здесь уже требуется никакого мнения, чтобы заставить нас двигаться и поддерживать наш курс в этом направлении; импульс приходит напрямую, и это движение инициируется и преследуется душой.

27. Сами эпикурейцы утверждают, что *«Нужно лишь обладать чувственностью и быть сделанным из плоти, и чувства будут приносить тебе удовольствия как нечто благое»*. Следовательно, это также принесет пользу человеку, который «воздерживается от суждений», поскольку он наделен ощущениями и сделан из плоти. Получив от чувства это представление о благе, он импульсивно тянется к нему, прилагая все усилия, чтобы предотвратить его утечку и всегда иметь его, насколько возможно близко; то, что хорошо для него, направляется законами своей человеческой природы, а не законами геометрических доказательств. Здесь не нужен никакой учитель; эти великолепно плавные и приятные движения плоти *(как они сами утверждают)* сами собой призывают к действию даже того, кто решительно их отрицает и отказывается признать, что он также расслабляется и становится мягким в ответ на них.

«Но как же так получается, что человек, который воздерживается от суждений, не бросается в скалу, вместо того чтобы прыгать в купальню, или почему он не направляется к стене вместо дверей, когда собирается идти на агору». Вы спрашиваете об этом, когда считаете, что органы чувств точны, а образы чувств верны? Почему тогда то, что кажется ему баней, - это не гора, а баня; а то, что кажется ему дверью, - это не стена, а дверь? Ибо доктрина «воздержания от суждений» не отклоняет ощущения и не вносит в сами нерациональные чувства и движения изменения, которые нарушают представление чувственных образов; она устраняет только наши «мнения», тогда как на практике имеет дело с другими вещами в соответствии с их естественным использованием.

«Но невозможно не согласиться с прямым доказательством, поскольку воздерживаться от суждений в этом случае неразумнее, чем отрицать его». Тогда кто же опровергает общепринятые убеждения и вступает в противоречие с самыми очевидными фактами? Это те [эпикурейцы], кто отвергает гадание и отрицают существование божественного провидения или что солнце и луна - живые существа, которым все человечество приносит жертвы, молитвы и почитание. Разве вы не отвергаете инстинктивную любовь родителей к своему потомству, факт общепризнанный? И разве вы, вопреки опыту всего человечества, не подтверждаете отсутствие какой-либо связи между болью и удовольствием, когда вы говорите, что не испытывать боли - это удовольствие, или другими словами, что не действовать - значит действовать?

28. Но оставим в стороне другие примеры; что более явно очевидно и более приемлемо, чем то, что одержимый диким или мрачным сумасшествием имеет иллюзии зрения и слуха, когда его разум поражается и отвлекается такими фантомами:

*Эти женские формы с факелами в руках,
одетые в сумрачно-черное, воспламеняют мое зрение.*

или:

*Дыхание огня и крови
Она расправляет крылья, моя мать в её руках?*

Эти и многие другие, более потрясающие разновидности, напоминающие монстров Эмпедокла, над которыми они смеялись:

С покачивающимися бычьими лапами, случайными руками

и

Быки-существа, похожие на человека

но какой фантом или какой гений их подвигает? - всё это они собирают из снов и бреда и говорят, что ничто не является оптической иллюзией, ложным или несущественным, но все это истинные впечатления, тела и формы, которые достигают нас из окружающего воздуха. В таком случае, есть ли в мире что-нибудь, о чем нельзя воздерживаться от суждений, если такие вещи можно

принять как реальность? Вещи, которые ни один искусный столяр, кукольник или художник никогда не осмеливался объединить для нашего развлечения в подобие, обманывающее глаз, они всерьез предполагают, что существуют, или, скорее, они утверждают, что, если бы их не было, то наступил бы конец всякой уверенности, определенности и суждениям об истине; и, занимая эту позицию, они сами доводят мир до состояния, в котором ничего не утверждается или не отрицается, вносят страх в наши решения и опасения в наши действия, поскольку мы отражаем это действие, принятое убеждение и привычные повседневные дела нашей жизни основываются на той же уверенности в ощущениях, что и формы безумия и прихоти, которые бросают вызов всем обычаям и законам. Поскольку, помещая всех в одну лодку, их теория больше отдаляет нас от устоявшихся убеждений, чем убеждает нас в реальности гротеска.

Впрочем, мы знаем, что немало философов предпочли бы позицию, согласно которой никакая видимость не соответствует истине, и предпочли бы сразу отказаться от уверенности во всех людях, вещах и утверждениях, с которыми они сталкиваются в моменты бодрствования, чем доверять как истинному и реальному хотя бы одно из этих явлений, которые приходят к нам в бреду, экстазе или сне. Если тогда можно отрицать видимость, - а сделать это невозможно, - то разве нельзя «воздержаться от суждения» о видимом, иначе как из-за этого конфликта взглядов?

Разве это не недостаточная причина, чтобы заставить нас смотреть на окружающий мир с подозрением - не то, чтобы мы на самом деле считали его полным сумасшествием, а просто пришли к выводу, что сомнениям и путанице, которые он порождает, нет конца? Разногласия относительно того, существует ли бесконечное количество вселенных, существуют ли в природе неделимые тела, не имеющие частей, и об этом повороте, хотя он беспокоит очень многих, все же сопровождается тем утешением, что ни одна из этих вещей почти не касается нас, или скорее, эти вопросы в каждом случае выходят за пределы возможностей ощущений.

Какой акт согласия и суждения это не перевернет? Ибо если люди не пропитаны вином и не сбиты с толку сильным лекарством, если они в своем уме, трезвы и в полном здравии, пишут книги об истине, нормах и стандартах суждения - если такие люди (в трезвом состоянии ума) предполагают в присутствии самых ясных и ярких движений чувств, что несуществующее истинно или что истинное ложно и не существует, мы вполне можем озадачиться не тем, что они вообще отказываются от согласия, но тем, что существуют вещи, с которыми они вообще соглашались; и что трудно понять, так это не то, что они не выносят суждений по поводу видимостей, но их противоположные суждения. По сравнению с высказываниями, равно противоречащим друг другу, отказ сделать заявление в любом случае и воздержание от суждений по поводу противоположных аргументов менее удивительны. Ибо тот, кто не утверждает и не отрицает, но хранит свое мнение, меньше расходится с утверждающим точку зрения, чем отрицатель, и с отрицателем, чем с утверждающим. И если возможно воздержаться от суждения об этих ощущениях, то не исключено и о других, по

крайней мере, в соответствии с принципами вашей школы, которые ставят одно действие или образ ощущения на те же основания, что и другие.

29. И поэтому эта доктрина «воздержания от суждения» - не праздная сказка, как думает наш Колот, и не приманка, чтобы заполнить лекционный зал своенравными и взбалмошными юношами. Это уравновешенное состояние и отношение к жизни у взрослых мужчин, которое предохраняет их от ошибок и «мусора». И поэтому они «воздерживаться от суждений» в отношении чего-либо столь дискредитированного и бессвязного, как чувства; или от введения себя в заблуждения, поскольку введены в заблуждение как раз те люди, которые называют видимое свидетельством невидимого, хотя и замечают, что видимость настолько ненадежна и двусмысленна.

Нет; праздная сказка - это их бесконечность и их «видности»; юношей делает легкомысленными и непостоянными тот [Эпикур], кто пишет о Пифокле, которому еще не исполнилось восемнадцать, что во всей Греции нет никого более одаренного и что его сила выражения является гениальной; который пишет, что он сам побуждается к молитве, как это делают и женщины, - чтобы все это превосходство и таланты не обрушили на голову молодого человека ревность и негодование небес; а софисты и шарлатаны - это те, кто в своих спорах с выдающимися людьми пишут с таким бесстыдным высокомерием. Верно, что Платон, Аристотель, Теофраст и Демокрит спорили со своими предшественниками; но ни у кого еще не хватило смелости опубликовать книгу с таким названием, - нападение на всех предшественников, вместе взятых.

30. Следовательно, как какой-то преступник, выступающий против небес, он публично объявляет о своих проступках, когда говорит ближе к концу книги: *«Люди, которые установили законы и обычаи и установили управление городами с помощью царей и магистратов, привели человеческую жизнь в состояние большой безопасности и мира и избавили ее от беспорядков. Но если кто-нибудь заберет все это, мы будем жить как животные, и всякий, кто наткнется на другого, чуть не сожрет его».* Ибо это публичное заявление Колота, сделанное его собственными словами, нечестно и неверно. Ибо если кто-то отменит законы, но оставит нас с учениями Парменида, Сократа, Гераклита и Платона, мы будем очень далеки от того, чтобы пожирать друг друга и жить жизнью диких зверей; ибо мы будем бояться всего постыдного и будем уважать справедливость за ее внутреннюю ценность, считая, что в лице Богов у нас есть добрые правители, а в «даймониях» - защитники нашей жизни, и считая что «все золото на земле и под ней - плохой обмен на добродетель», и по велению нашего разума, как говорит Ксенократ, станем делать свободно всё то, что мы теперь делаем принудительно по приказу закона.

Но когда же наша жизнь действительно станет жизнью зверя, дикого и лишённого общения? Только когда законы отменяются, но при этом останутся в силе аргументы, призывающие нас к жизни, полной удовольствий; когда люди не будут верить в небесное провидение, и когда люди примут за мудрецов тех, кто *«плюет на мастерство, если это не сопровождается удовольствием»* и кто издевается над такими словами, как эти:

Око справедливости, которое видит всё,

или

Ибо Бог внимательно смотрит, всегда стоит рядом,

или

Бог, как говорится в древнем рассказе, удерживая начало, середину и конец вселенной, действует прямо, как и его природа, в своем собственном круге; за ним следует Справедливость, которая наказывает всех, кто не соблюдает божественный закон.

Ведь именно те люди, которые с презрением смотрят на всё это, как на сказки старых бабок, и думают, что наше благо находится в животе и других местах, через которые удовольствие проникает в нас - именно они нуждаются в законе, страхе, ударах и в каком-то царе или магистрате, со справедливостью в своей сильной правой руке, чтобы удержать этих людей от продолжения пожирания своих соседей, раз их хищный аппетит, вызванный их безбожием, лишает их сдержанности.

В самом деле, дикие животные ведут такой образ жизни, потому что они не знают ничего выше удовольствия, не имеют представления о божественной справедливости и не уважают внутреннюю ценность добродетели; вместо этого они используют все свои природные дары - смелость, хитрость или трудолюбие, - чтобы получить удовольствие от плоти и удовлетворить аппетит. И мудрец Метродор думает, что так и должно быть, когда он говорит, что все чудесные, гениальные и гениальные изобретения разума были изобретены ради удовольствия плоти или в ожидании этого, и что любое достижение, не ведущее к этой цели, бесполезно.

Избавьтесь от всех законов такими рассуждениями и такой философией, и чего тогда не хватает? Когтей волка, клыков льва, живота вола и шеи верблюда. Опять же, именно эти чувства и эти доктрины - животные из-за недостатка речи и письма выражают ревом, ржанием и мычанием; и каждый звук, который они издают, служит для приветствия и выпрашивания настоящего или будущего удовольствия чрева и плоти, за исключением тех немногих животных, кто имеет врожденную любовь к песне и щебетанию.

31. *«Соответственно, никакая похвала не может воздать должное людям, которые боролись с этими жестокими чувствами, установив законы, а вместе с ними - государства, правительства и систему законодательства».* Но кто такие люди, которые сводят на нет всё это, свергая государство и полностью отменяя законы? Разве это не те, кто отстраняет себя и своих учеников от участия в государственной жизни? Разве это не те, кто говорят, что венец безмятежности - это награда, не имеющая никакого отношения к успеху в каком-нибудь значительном командовании? Не те ли это, кто говорит, что быть царем - это ошибка и недоразумение? Не те ли это, кто пишет такими словами: *«Надо сказать о том, как лучше всего человек соблюдает цель жизни, назначенную*

природой, и как никто не будет добровольно стремиться с самого начала к власти над массами». Но они идут еще дальше и добавляют к этим высказываниям следующее: «Итак, мы призваны не к тому, чтобы быть спасителями греков или получить от них какую-либо награду за мудрость, но чтобы есть и пить, мой дорогой Тимократ, таким образом, чтобы тело было удовлетворено и не страдало».

Опять же, само законодательство, которое восхваляет Колот - обеспечивает, прежде всего, нашу веру в богов. Веру, посредством которой Ликург сделал спартанцев преданным народом, как Нума - римлян, Ион в древности - афинян, а Девкалион - почти всю греческую нацию; используя надежду, а также страх; чтобы с помощью молитв, клятв, предсказаний и предзнаменований укрепить в них живое чувство божественного. В своих странствиях вы можете встретить города без стен, без письменности, без царя, домов или собственности. Вы можете найти города, обходящиеся без валюты, не имеющие представления о театре или гимназии; но город без святых мест и богов, без соблюдения молитв, клятв, оракулов, жертвоприношений за полученные благословения или обрядов для предотвращения зла, ни один путешественник никогда не видел и никогда не увидит.

Нет, я думаю, что скорее сможет существовать город без земли на которой он смог бы находиться, чем правительство без религии. Если даже оно и сможет возникнуть, то уж точно не сможет выжить. Именно это убеждение, возводит фундамент и основания, на которых держится всё общество и законодательство. Но наши эпикурейцы, даже не окольными путями и не тайком, а направляя против них первую же из своих «Основных доктрин», приступают непосредственно к разрушению общества. Затем, словно движимые какой-то мстительной Яростью, они признаются, что, нарушая установленные правила и отменяя постановления законов, они совершают тяжкое преступление, как будто с целью сделать невозможным собственное помилование. Ибо ошибаться в вере - это ошибка не мудрецов, но людей; но обвинять других в том, в чем виноваты вы сами, - как это можно описать, не прибегая к расточительству сильных слов, которых оно заслуживает?

32. Ибо, если бы он поднял этот вопрос о законах, правительстве и постановлениях в книге, направленной против Антидора или софиста Биона, никто бы не возразил:

«Бедный негодяй, лежи тихо в своих покрывалах,

уютно завернувшись в кусок ткани, и позволь мне увидеть такие обвинения, выдвинутые людьми, доказавшими своей жизнью, что они могут управлять домашним хозяйством и служить государству». Но все, кем злоупотребил Колот, - это именно такие люди. Демокрит побуждает нас искать наставлений и мастерства в военном искусстве, поскольку оно имеет первостепенное значение, и продолжать напряженный труд, который является для человечества путем к величию и славе. Парменид назначил для своего родного города лучшие из законов, так что каждый год граждане обязывают магистратов соблюдать законы

Парменида. Эмпедокл обвинил выдающихся людей своего города в нарушении законов и разграблении государственных средств и избавил землю от бесплодия и чумы, замуравав расщелины в горах, через которые южный ветер хлынул на равнину. Сократ после осуждения отказался от возможности побега, который предложили для него его друзья, таким образом поддерживая законы, и предпочел несправедливую смерть незаконному побегу. Мелисс возглавил войска своей страны и победил афинян на море.

И хотя Платон оставил нам в своих сочинениях замечательную философию законов и государства, философия, которую он насаждал своим ученикам, была намного более замечательной, философия, которая принесла свободу Сицилии через Диона также попала во Фракию через Пифона и Гераклида, убийц Котиса. В Афинах из Академии вышли такие полководцы, как Хабрий и Фокион. В то время как Эпикур отправляет людей в Азию, чтобы критиковать Тимократа и изгнать его из школы за то, что он поссорился со своим братом Метродором (*и это опубликовано в их книгах*), - Платон отправил одного ученика, Аристонима, к Аркадийцам, благодаря которому они реформировали своё законодательство; Формиона - к элейцам, а третьего, Менедема - к пиррейцам. Вышедший из академиков Евдокс составил законы для книдийцев, Аристотель - для стагиритов. Александр обратился к Ксенократу с просьбой о наставлениях для царского правления; посланник, отправленный к Александру греками из Азии, который больше, чем кто-либо другой, разжигал его пыл и побуждал его начать войну против варваров, был Делий Эфесский, последователь Платона. Таким же образом, Зенон, ученик Парменида, после неудачного покушения на жизнь тирана Демила, при попытках огнем - показал, что учение Парменида в его сердце было подобно чистейшему золоту. Его поступок был равен доказательству и продемонстрировал делом, что Великий человек больше боится позора, тогда как страданий боятся дети и слабые женщины, ну или мужчины с женскими душами, потому что Зенон, настоящий мужчина, откусил свой язык и плюнул им в лицо тирана.

33. Но что же проистекло из философии и сентенций Эпикура? Я не спрашиваю, какой убийца тиранов или какой чемпион в битве, какой законодатель, губернатор или советник при дворе, или какой вождь его народа за правое дело претерпел мучения или смерть, я просто спрашиваю: Кто из мудрецов когда-либо садился на корабль в интересах своей страны, отправился в посольство или потратил определенную сумму денег? Где в ваших произведениях упоминается акт государственной службы?

Тем не менее, когда Метродор спустился в Пирей, расположенный на расстоянии около сорока стадиев, чтобы помочь арестованному сирийцу, царскому офицеру Митре, тогда всем, мужчинам и женщинам, были разосланы письма, в которых Эпикур торжественно прославлял это путешествие. Что же произошло бы, если бы они сделали не меньшее, чем Аристотель, восстановивший свой родной город, разрушенный Филиппом, или Теофраст, дважды избавивший свой город от тиранов? Разве запасы папируса не должны были иссякнуть из-за истощения Нила, прежде чем этим людям надоело бы писать об этом?

Важно не столько то, что среди стольких философов только они (можно сказать) пользуются преимуществами цивилизованной жизни, не платя при этом своей доли; поэты, как трагические, так и комические, всегда стараются преподать полезный урок и встают на сторону закона и правительства; тогда как эти люди, если они вообще пишут о таких вещах, пишут о правительстве, чтобы удержать нас от участия в нем, об ораторском искусстве, чтобы удержать нас от публичных выступлений, и о царской власти, чтобы заставить нас избегать общества правителей. Они упоминают государственных деятелей только для того, чтобы высмеивать их и принижать их славу, например, Эпаминонда, который, по их словам, имел в себе только одно хорошее, это «умеренность» (так они говорят), и всё равно называли этого человека «стальной кишкой», спрашивая, что заставило его идти пешком по Пелопоннесу, вместо того, чтобы сидеть дома с красивой войлочной шапкой на голове, полностью озабоченным (как мы должны предположить) заботой о насыщении своего чрева.

И я считаю, что легкомысленное игнорирование государства в труде Метродора «О философии» не должно остаться незамеченным. *«Некоторые мудрецы, - говорит он, - в своем чрезмерном тщеславии настолько хорошо смогли определить функцию государства, что в своих рассуждениях об образе жизни и о добродетели они улетали за теми же желаниями, что и Ликург и Солон».* Это, видимо, было самомнением и расточительностью тщеславия, что Афины должны быть свободными, а Спарта управляться законом и порядком, и что молодые люди знать своё место. Глупостью было, что мы не должны принимать блудниц за матерей наших детей; и что богатство, роскошь и жестокая распущенность не должны преобладать в наших городах, но что только закон и справедливость для них - были среди желаний Солона. И к процитированным замечаниям Метродор добавляет такую ругань: *«Прекрасно быть поистине свободными людьми, чтобы насмеяться над любым из этих людей, в частности, над этими Ликургами и Солонами».* Это не смех свободного человека, Метродор, а человека раболепного и плохо воспитанного, и он требует даже не ударов плетью со стороны свободного человека, а уже того нагруженного костяшками кнута, который карает Галла за его грехи в обрядах Великой Матери.

34. Более того, что их война велась не с законодателями, а с самими законами, мы можем узнать и от самого Эпикура, который задается вопросом в «Спорных вопросах», сделает ли мудрец что-нибудь, воспрещаемое законами, зная, что это останется неизвестным. На что он отвечает: *«Простой ответ не легко найти»*, - или говоря простым языком: *«Я сделаю это, но я не хочу этого признавать».* И опять же - в письме к Идоменею, я полагаю, - он призывает его *«Не жить в служении законам и мнениям, до тех пор, пока не начнутся проблемы, выраженные во вредоносной реакции соседей».*

Итак, если отменить законы и правительства - значит отменить гуманную жизнь, и если Эпикур и Метродор поступают именно так, когда отговаривают своих последователей от государственной службы и ссорятся с теми, кто ею занимается; и когда они пренебрежительно отзываются о самых первых и самых мудрых законодателях и рекомендуют неуважение к закону, если оно не подкрепляется

страхом ударов или наказаний, то я не знаю ни одного ложного обвинения, выдвинутого Колотом против других, столь же серьезного, как его истинное обвинение философии и учения Эпикура.